

Юй Чанцин с трудом выдавил на лице жёсткую улыбку и сквозь зубы произнёс:

— Что ж, очень хорошо. Я бесконечно благодарен. Как только поправлюсь, непременно отплачу за доброту.

Ван Дачжуан поспешно замахал руками:

— Не нужно, не нужно! Когда моя сестра была жива, она всегда говорила: «Если видишь, что кто-то в беде, помоги, если можешь». Я всего-то принёс тебя домой — это ведь ничего не стоило. Даже врача звать не пришлось, просто дал тебе кров. Разве за такое нужно платить?

К тому же я живу один, у меня нет семьи, так что ухаживать за тобой мне совсем не в тягость. Если честно, мне даже немного стыдно, ведь у меня нет земли, я живу охотой, и в доме нет ничего особенного, чтобы угостить тебя. Боюсь, что тебе здесь будет неудобно.

Юй Чанцин неподвижно смотрел на него холодными, как лёд, глазами. Ван Дачжуан уже начал краснеть под этим взглядом, когда тот, наконец, сжал губы и медленно, но искренне произнёс:

— Спасибо тебе.

Ван Дачжуан снова замахал руками:

— Не стоит благодарности! Кстати, Сяньцзюнь, могу ли я спросить, как тебя зовут?

— Моя фамилия Юй, имя Чанцин*.

*玉 (Юй) — означает "нефрит", символизирует красоту, чистоту и благородство. 长 (Чанцин) — "длинный" и "министр" или "чиновник"

Ван Дачжуан вздохнул:

— Как и следовало ожидать, у красивого человека и имя красивое.

Юй Чанцин: «...»

Раньше, если бы кто-то осмелился при нём обсуждать его внешность, он бы уже давно разрубил этого человека мечом. Но этот Ван Дачжуан с момента его пробуждения уже несколько раз повторил: «Ты красивый». Он не был образованным и не мог подобрать красивых слов, только повторял одно и то же, но делал это так искренне, что Юй Чанцин не чувствовал себя оскорблённым. Напротив, в его душе зародилось какое-то странное чувство гордости.

(Внутренний ужас.)

Благодаря своим глубоким духовным силам Юй Чанцин быстро восстанавливался. Уже через четыре-пять дней он смог с трудом встать с постели и сделать несколько шагов. Ван Дачжуан был обычно очень занят, редко бывал дома днём и возвращался только к вечеру. Он не только охотился и собирал дары леса, но и рубил дрова, которые задёшево продавал деревенским жителям, занятым полевыми работами. В последние дни он старался возвращаться пораньше, потому что дома был больной. К счастью, пациент был неприхотливым и не требовал особого ухода. По крайней мере, Ван Дачжуан ни разу не видел, чтобы бессмертный ходил в туалет...

Сегодня Ван Дачжуан добыл огромную змею. Он с трудом нёс её на плечах, и та длинным хвостом волочилась по земле, вызывая изумлённые взгляды сельчан. Деревенская красавица Ван Цуйхуа вскрикнула от ужаса, чем привлекла внимание местных парней, наперебой бросившихся её утешать. Она украдкой посмотрела на Ван Дачжуана, который, не обращая внимания, прошёл мимо, и от досады топнула ногой.

Многие хвалили Ван Дачжуана за его умение, а некоторые даже помогли ему снять змеиную шкуру и купили немного мяса, чтобы попробовать. Конечно, цена была символической, ведь все были соседями.

Снаружи стоял шум, что раздражало любившего тишину Юй Чанцина. К счастью, никто не зашёл в дом, и никто не заметил, что в доме Ван Дачжуана появился новый жилец.

Ван Дачжуан всё время улыбался. После того как все разошлись, Ван Дачжуан сварил большую миску змеиного супа и принёс её Юй Чанцину.

Хотя Юй Чанцин уже говорил, что он давно отказался от пищи и ему не нужно есть, Ван Дачжуан этого не понимал. Он не мог поверить, что человек может жить, ничего не съев. За свои двадцать с лишним лет он привык к поговорке «Человек — железо, еда — сталь»*, и ему было страшно, что бессмертный может умереть от голода. Поэтому он раз за разом старался накормить его хоть чем-нибудь.

*популярная китайская пословица, означающая, что без еды человек ослабнет, она жизненно необходима

Находясь в чужом доме, Юй Чанцин порой вынужден был принимать подношенную еду, чтобы успокоить хозяина.

Как практикующий, Юй Чанцин уже более четырёхсот лет не ел обычной пищи и давно забыл её вкус. Он всегда был сдержанным и равнодушным к еде, не прикасался даже к духовной пище и фруктам. Разве что мог выпить чашку действительно редкого чая. Его старший брат, глава секты, часто приносил ему на пик Цинъюй самый лучший чай, какой только мог достать. Но даже тогда он вечно находил к чему придраться...

Спустя сотни лет, вновь (по принуждению) попробовав обычную еду, Юй Чанцин ожидал, что испытает раздражение, но этого не произошло. Каждый раз, когда Ван Дачжуан с надеждой смотрел на него, умоляя съесть хотя бы ложку, Юй Чанцин испытывал какое-то странное удовлетворение. А когда, наконец, он сдержанно делал крошечный глоток и видел, как лицо Ван Дачжуана расплывается в радостной улыбке, то в его душе вспыхивала тёплая искорка, невольно отражаясь в уголках губ.

И вот тогда Почтенный Ханьян поймал себя на мысли, что... Вкус у этих грубых блюд, на самом деле, не так уж плох.

<http://bllate.org/book/12569/1117900>